

Все из-за тебя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ника Мерсер

Все из-за тебя

Серия «На границе перемен», книга 2

<https://litres.ru/74386163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то за дружбой Кайла и Джессики скрывалась любовь. Два нескладных подростка давно нашли друг в друге заботу, поддержку и будущее, в котором они всегда будут рядом. Пока один трагический день не разделил их на долгих пятнадцать лет.

Прожив практически целые жизни на разных концах земли, им снова предстоит встретиться. Между ними остались вопросы, на которые никто не хочет отвечать. И правда, которую легче оставить в прошлом.

Но некоторые ошибки не исчезают со временем. Они просто ждут момента, чтобы повториться.

Содержание

Приветствие	4
Пролог. Джесс	5
Глава 1. Я могу поторопиться с заменой	11
Глава 2. Джессика Блэквуд заимела собачьи рефлексы	27
Глава 2.2	34

Ника Мерсер

Все из-за тебя

Приветствие

Дорогие читатели!

Книга всё ещё находится в процессе написания. Публикуемые главы выходят в авторской редакции, ориентировочно один раз в неделю.

Спасибо, что читаете, делитесь впечатлениями и ждёте продолжение. Эта история ещё только набирает обороты.

Ищите меня в социальных сетях — там я делюсь новостями о книге, процессом написания и анонсами новых глав.

Пролог. Джесс

За несколько дней до свадьбы Сесилии

Ощущение одиночества в собственном доме достаточно терпимо по сравнению с холодным безразличием человека, которому ты поклялся посвятить жизнь.

Пол в гардеробной пробирается до костей, но я всё равно не могу подняться и собрать в чемодан свежую одежду. Хочется, чтобы сюда ворвались маленькие гномики, сложили мои шмотки аккуратными стопками и отправили меня в аэропорт, поцеловав в лобик. А двигаться не хочется.

А ещё лучше, вот бы они усыпили и засунули в чемодан меня, а Сеси бы достала меня уже в Америке, как гребённый киндер-сюрприз. Скажите, кому ради этого нужно помолиться?

Ответом свыше мне служит длинное противное ворчание мужа из спальни. Если я пролежу здесь ещё немного, он ворвётся сюда и отправит меня в аэропорт прямо в трусах. Не то чтобы я это проверяла. Но его демонстративные ахи и вздохи из соседней комнаты раздаются уже третий час подряд. Ровно с того момента, как я пересекла порог дома.

Где твои английские манеры, муженёк?

Я скорее найду горшок лепрекона, чем остатки его манер по отношению ко мне.

Смартфон противно жужжит, напоминая, что вылет через четыре часа, и, если я хочу успеть, мне нужно встать прямо сейчас.

Мои ноги еле шевелятся, все ещё отёкшие от последней командировки. Мой рейс прибыл в Хитроу всего несколько часов назад. Оставиви мне немного времени, чтобы помыться и выкинуть из чемодана грязное бельё, а теперь мне предстоит трансатлантический перелёт, к которому я едва готова.

А всё потому, что Сеси никак не может определиться, выходит ли она замуж!

— Сколько можно, Джесс? Завтра у меня важная встреча с самого утра.

Из-за стены раздаётся голос Майкла. Поправка, уставший, раздражённый и нетерпеливый голос Майкла.

— Мне осталось совсем немного!

Да, совсем немного — лишь начать. Едва подняв туловище, я опираюсь на руки, заглядывая в бездонную пасть чемодана, на дне которой лежит шелковая комбинация и винтажная сумка. Это самый ненавистный наряд мужа, и, конечно же, я положила его первым делом, узнав, что он не полетит со мной, а останется в Лондоне заключать очередную выгодную сделку.

Сегодня я привезла ему нового художника из Шотландии, с которым он подписывает контракт. Было бы проще, если бы я сама могла подписывать грёбанные договора, но такие полномочия у обычного секретаря вызовут вопросы, на ко-

которые Майкл не готов отвечать. Поэтому каждый раз мне приходится стелиться ковриком, чтобы уговорить очередного интроверта посетить Лондон.

Знала бы, оставила того шотландского дохляка в его старой заплесневелой студии.

Хотя предвкушать, как ещё один скрытый алмаз, найденный тобой на задворках социальных сетей и скромных студенческих выставок, скоро засияет новым бриллиантом, определённо приятно. Папины взносы за калифорнийский институт искусств совсем даром не пропали. Майкл отлично пользуется открытыми мной перспективами.

Посмотрев на пустые полки в мужской части гардероба, я думаю, что, может, эта пауза и к лучшему. Майкл уже давно переселился в другую комнату, оставив мне главную спальню, а я так и сохранила его полки незанятыми, надеясь, что он вот-вот вернётся. Прошло почти два года с момента, как мы начали врать друг другу, что всё в порядке.

Иногда мне кажется, что, если я уйду, он этого даже не заметит, пока вещи из химчистки не закончатся.

Тяжело вздохнув, я с трудом встаю. Господи, кажется, я уже и забыла, какая погода сейчас в Калифорнии. Проверяя прогноз, я скидываю ещё несколько вещей, беру кредитку и тампоны. Мечтая совершить набег на первый же торговый центр.

В чемодане лежит несколько тряпок, на мне спортивный костюм и бейсболка козырьком назад с перекинутой через

чемодан «Биркин» тёмно-зелёного цвета. Я шлёпаю по коридору, намереваясь вторгнуться в спальню Майкла перед выходом. Такси уже давно меня ждёт. Муженёк ни за что не повезёт меня сам. Так пусть машина постоит ещё, ведь я плачу его кредиткой.

При виде меня Майкл щурит нос в отвращении. Он оглядывает меня с ног до головы, придирчиво оценивая. Точно ждал, что я снова оденусь как прекрасная лондонская леди.

Помогите.

— Ты похожа на подростка.

— Приятно ощущать себя молодой, — отвечаю я, переминаясь с ноги на ногу.

Поджав губы, Майкл возвращается к чтению, даря мне минуту восхитительного игнора. Посыл такой явный, я могу отрезать от него кусок и съесть на завтрак. Демонстрируя раздражение, я продолжаю стоять, показывая, что мне нужно, чтобы Майкл поднял свою грёбаную голову и посмотрел на меня.

Посмотри на меня!

— Будь осторожна.

Кажется, я становлюсь звездой мыльной сцены из второсортного сериала. Но даже это не может заставить меня накричать на него или поцеловать. В этой шелковой пижаме и очках на переносице он определённо выглядит сексуально и притягательно. Я точно помню, что чувствовала, когда мне приходилось оставлять его таким в постели и жаждала вер-

нуться в неё поскорее.

Воспоминания — всё, что у меня осталось.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Что бы ты хотела услышать?

Говорит он и демонстративно перелистывает страницу. Кажется, именно так чувствуют себя люди, когда в них плюют. Обтекая на его дорогой ковёр, я остаюсь на месте, не двигаясь ни на шаг.

— Хотя что-нибудь! — я говорю на два тона громче, и прекрасная акустика его старого дома усиливает мой голос в разы. Майкл, наконец, отрывается от своего чтения, приподнимая одну бровь.

— Может быть, тебе стоит погостить у родителей подольше?

Он тяжело вздыхает, потирая глаза за линзами, и я едва сдерживаюсь, чтобы не стащить его с постели за ноги.

— Может, мне вообще от них не возвращаться?

Майкл не торопится с ответом, и моё сердце делает несколько стремительных ударов, лишая возможности дышать. Я так часто спрашивала про себя, действительно ли я хочу и снова возвращаться в этот дом, но услышать его ответ я сегодня никак не планировала. И теперь, замерев, слежу, как его губы начинают шевелиться.

— Совру, если скажу, что не думал об этом, — на тумбочке звонит телефон, и Майкл лениво переводит глаза на него и потом возвращается ко мне. — Иди, такси уже заждалось.

По отрепетированному сценарию я шагаю прочь, направляясь в такси, которое меня ждёт. Пытаюсь интенсивно моргать и смотреть вверх, хотя моя тушь в этом браке давно стала водостойкой.

Всё почти как всегда, только стены сдавливают так, что ещё чуть-чуть — и от меня останется мокрое место.

На секунду я задерживаюсь у двери и запрещаю себе раскладывать всё по полкам и взвешивать все риски. Пока я это делаю, у меня всегда будет причина продолжить этот бесконечный водоворот боли и унижения. Я не знаю, что меня ждёт, когда я пересеку порог. Но дышать с каждым возвращением становится всё труднее.

Ключи от дома со звоном ложатся в чашу у входа. Они мне больше не понадобятся.

Глава 1. Я могу поторопится с заменой

Не прошло и двух недель, как мне пришло уведомление о разводе. Даже не думала, что Майкл может быть настолько расторопным, наверно, для этого ему пришлось отменить все послеобеденные чаепития, лишь бы успеть.

Ровно в полдень посыльный в костюме перешёл порог родительского дома, даже не потрудившись как следует поздороваться. Я так привыкла к английским манерам, что местная небрежность казалась мне вопиющей. Пока ручка порхала по дорогой плотной бумаге, мне захотелось, чтобы курьер поцеловал мой зад и свалил. И именно в такой последовательности. Юноша из юридического агентства не виноват в моём положении, конечно, но взгляд, которым он кричал «очередная выброшенная девчонка», никак не мог заткнуться.

Хотелось бы мне знать, сколько таких уведомлений он развёз за сегодня. Нет, правда, мне нужен кружок по интересам. Возможно, мы купим много воска, форм для отливки и будем тыкать иглками по куклам, мечтая о возмездии. Я видела это в фильмах, просто нужно повторить в точности.

Даже не замечаю, как просидела с мечтами о возмездии весь остаток дня в компании маминых блестящих сотейни-

ков. Кухня моих родителей просторная, вычищенная и пахнет средством для уборки, такая идеальная, даже ноги приходится поджимать, чтобы не измазать пол. Только документы из Англии пачкают мраморную столешницу одним своим присутствием.

Не переставая, я перечитываю каждую строчку, снова и снова пробегая по буквам и отмечая каждую запятую и цифру, что оставляла меня с голой задницей после 5 лет брака.

«В случае расторжения брака Джессика Рейес (Блэквуд) безусловно отказывается от любых претензий на вышеуказанное имущество, а также на содержание (алименты), признавая, что её личные вещи и подарки, полученные в период брака, являются исчерпывающей компенсацией».

Великодушные Майкла Блэквуда имеет вполне ощутимые границы. За десять лет совместной жизни и пять лет брака я получила помолвочное кольцо, дорогую сумку и ключи от камеры хранения в районе Лондона, куда ездят только вооружённые таксисты.

Спасибо, что была хорошей лошадкой, Джессика!

Перелистывая унижительные страницы одну за одной, я только и думаю о том, как повезло, что родителей нет дома. Даже признать о моём нескором возвращении к супругу было трудно. Сказать, что мужа, ради которого я оставила всю свою жизнь здесь, больше нет... Меня ждёт продолжительная лекция: «Нужно ценить всё, что тебе посылает жизнь». У меня есть месяц, пока родители не вернутся из своего пу-

тешества в доме на колёсах, а после мне придётся освободить жилплощадь, комнат здесь для меня больше не предусмотрено.

Спасибо и пожалуйста, мистер и миссис Рейес.

Собрав документы в папку, я всё равно не могу отвести от неё глаз. Она лежит прямо передо мной, гипнотизируя и поддразнивая: «Посмотри в меня, почитай ещё раз, ты всё правильно поняла. Тебе. Ничего. Не достанется». И продолжает звать меня елеиным голосом и умолять посмотреть дату подписания.

Дату, которую поставили задолго до моего отъезда.

Стоит позвонить ему и поздравить с первой организованной без моей помощи крупной сделкой.

Нос резко щекочет, я вздрагиваю от неприятного ощущения. Смахивая насекомое, я нахожу на своей руке не жертву человеческой жестокости, а мокрый след. По щекам текут горячие слёзы, собираясь на носу и капая на столешницу. Страхнув остатки бесполезных слёз, я подрываюсь. Пытаясь прийти в себя, я хожу вокруг кухонного островка, пытаюсь отключиться от созерцания своего падения.

Взяв телефон, мне непременно нужно кому-то высказаться. Но из моих друзей у меня есть только один человек, не связанный никаким образом с Майклом. И она бросила меня перед свадьбой неделю назад и даже не потрудилась сообщить, всё ли с ней хорошо. Я поклялась себе не звонить Сеси первой после столь подлого поступка, но мой телефон

остаётся беззвучным всё это время, не подавая каких-либо признаков, что мной хоть кто-либо заинтересован.

Набрав номер Сесилии, я жду, всего один короткий гудок, и меня перебрасывает на голосовую почту, в которой робот говорит, что я могу оставить ей сообщение.

Только какой в этом толк, если она так и не умеет ей пользоваться? Или просто предпочитает игнорировать этот способ связи. Чёрт!

За несколько дней я устала вариться в собственных мыслях, устала оставаться одна и слушать пение птиц за окном. Мне нужно общество, несколько страстных взглядов и какой-нибудь улыбчивый американский красавец, пока я окончательно не рассыпалась. Раз уж он так торопился с бумагами, я могу поторопиться с заменой.

Интересно, мои полки в гардеробной уже заняты? Тёплое местечко никогда не пустует. Так ведь он мне всегда говорил?

Надев свою шелковую комбинацию с завязками вокруг талии, лодочки на высоком каблуке и маленькую сумку, я отправляюсь в ближайший бар, пропивать остатки денег моего бывшего мужа, которые я предусмотрительно сняла ещё в аэропорту.

Неудобная совесть не позволяет опустошить его счёт полностью. Жаль, что для этой части моей личности нельзя вызвать экзорциста, было бы очень кстати.

Я выбираю самое модное и дорогое заведение на 21 эта-

же отеля. Готовая потратить каждый цент, завалившийся в сумке. Мне просто необходимо немного развеяться. Не могу себе позволить укатить куда глаза глядят, не думая о завтра, но я могу позволить себе одну беззаботную ночь, пока у меня есть на это возможность.

Двери лифта открываются, и я попадаю в мир роскоши и американского изыска. Несколько уровней, глубокие тёмно-зелёные цвета и люди сплошь и рядом одетые и надушенные так, что хочется раствориться в ауре превосходства. Когда взгляд мужчин с ближайшего столика падает на меня с неподдельным интересом, я тут же лучезарно улыбаюсь, даря им в ответ своё внимание. Это получается так естественно, но что-то внутри меня сопротивляется, заставляя губы оставаться сомкнутыми.

Глупое тело, перестань, ты теперь в разводе.

Но ноги не перестают тащить меня мимо уютных столиков прямо к бару. Похоже, мне нужно немного выпивки, чтобы вытолкать остатки преданности Майклу и, наконец, дышать свободно.

Проходя мимо разных заинтересованных взглядов, я приближаюсь к бару, где в одиночестве сидит лишь один мужчина, перекатывающий в бокале янтарную жидкость. Размером он, наверно, раза в два больше меня, светлая одежда идеально сидит по фигуре, рубашка натянута на широких плечах и трещит по швам на бицепсах. Из-под закатанных рукавов виднеются предплечья, украшенные замысловатыми татуи-

ровками. Светлые локоны в стиле шегги закрывают большую часть лица, показывая лишь чёткую линию губ и лёгкую щетину.

Сев на соседний стул, я подаю знак бармену, краем глаза ловя на себе пристальный взгляд. Надев свою самую очаровательную улыбку, я поворачиваюсь, и моё дыхание пропадает окончательно и бесповоротно, потому что на меня смотрят пронзительные синие глаза.

Глаза, которые я когда-то любила.

15 лет назад

Входная дверь одного из самых ухоженных домов нашего района открывается с тихим щелчком. Мисис Торренс стоит, положив одну руку на косяк, а другую на створку, с явным намерением выпроводить меня прочь. Я улыбаюсь ей своей самой очаровательной улыбкой, но та лишь морщится и начинает закрывать дверь обратно, даже не поздоровавшись.

По её понятиям, я слишком цветная, чтобы появляться на пороге её прекрасного лощёного дома. Я всё ещё думаю, что мне стоило купить ведро и ёршик, чтобы стать невидимой и появляться здесь тогда, когда хочется, оставаясь невидимкой. Кто будет разглядывать латино за фартуком?

— Здравствуйте, миссис Торренс! — я кричу в открытую щель со всей мощи моих лёгких, чтобы остальные домочад-

цы меня слышали, и миссис Торренс, поджав свои идеально накрашенные губы, не скрывая гримасы отвращения, открывает для меня входную дверь, пропуская внутрь.

— Джессика, дорогая, я уж думал, ты не придёшь, иди сюда скорее, я приготовил лимонад, — мистер Торренс зовёт меня с кухни, и я снова натягиваю свою фирменную улыбку для его жены. В ответ она жёстко хватает меня за локоть.

— Кайл занимается, ты не вовремя. Уходи.

Её взгляд с ног до головы проходится по мне, будто я пытаюсь пересечь мексиканскую границу. Она задерживается на моём коротком топе, плотно облегающем грудь и открывающем живот полностью, и её накрашенные губы сжимаются в тонкую линию.

— Пусть сам меня попросит, — огрызаюсь я, не стерпев её взгляда.

— Да как ты смеешь!

— Ну где вы там? — как раз вовремя мистер Торренс выплывает из-за угла. — Ох, сегодня такая жара, даже не верится, что сентябрь будет уже через несколько дней.

Он протягивает мне стакан со свежим лимонадом, по поверхности стекла собрался конденсат, прохладные капли стекают вниз, капая на пол. Прежде чем я успеваю за него взяться, миссис Торренс выхватывает его прямо передо мной.

— Милый, Джессика уже уходит, — она становится до неприличия милой и отпускает мою руку.

Мистер Торренс делает вид, что не замечает, как она держит меня, а просто забирает у неё стакан и передаёт мне.

— Не смей уходить, не попрощавшись с Кайлом, он во дворе. — Пока его супруга придумывает очередную причину, чтобы я свалила, её муж перехватывает ладонь, которой она в меня вцепилась, и ведёт к выходу.

— Он занят, — протестует миссис Торренс, пытаюсь развернуться, но её муж так плотно прижимает её талию к себе, что ей не пошевелиться.

Мисис Торренс миниатюрная женщина, возможно, чуть пышнее меня, но ростом мы одинаковые, а вот мистер Торренс почти в два раза больше неё, как норвежский великан. Он так крепко прижимает её к себе, что та тут же забывает обо мне, даря всё своё назойливое внимание мужу.

— Он будет занят своими книжками всю жизнь, милая, не порти им время.

— Но, — он заставляет её замолчать, подарив поцелуй, а я, сморщившись, мчу к задней двери, пока демонстрация из любви не перешла на углублённый уровень.

— Идём, ходим к МакКаффинам? Они обещали барбекю сегодня, ты помнишь, как он жарит мясо, пальчики ... — за спиной раздаются их приглушённые голоса.

Лимонад охлаждает внутренности, позволяя мне остыть от августовской жары и спора с мамой моего лучшего друга, но всё идёт насмарку, стоит мне бросить взгляд в окно на задний двор. Под единственным деревом во дворе, укрыв-

шись в тени под ветвями, сидит Кайл, изучая учебник толщиной не меньше десяти сантиметров.

Очки в толстой оправе то и дело съезжают с влажного носа, но я уверена, он замечает это только в моменты, когда перестаёт видеть буквы перед собой. Наблюдая, как по нему пляшут солнечные лучики, я делаю снимок на свой старый плёночный фотоаппарат и только потом иду во двор.

Когда дверь хлопает, он даже не поднимает головы, хотя я надеялась, что он сможет оценить, как эффектно я к нему подойду. Бросив несчастный план, я шагаю по газону размашистыми шагами, не думая о траве. Мои массивные кроссовки врезаются в дёрн, но мне всё равно.

— Привет, зубрила, — я слегка трогаю носком его голую ступню, и Кайл Торренс с глазами, синими словно небо, наконец поднимает на меня взгляд.

Кажется, я не дышу, в ожидании, что он посмотрит на меня, наблюдая за тем, как меняется его лицо. Он слегка прищуривается, фокусируясь на моём лице, и я даю ему секунду забыть о буквах в своей книжке и обратить внимание на меня. Я привыкла к его рассеянности, когда он занимается. Вся эта подготовка к учёбе очень сложная. И я нахожу его очень очаровательным, когда он зарывается в неё словно енот в мусор.

— Привет, Искорка, — Кайл протягивает мне руку, помогая сесть рядом. Его ладони твёрдые и горячие. Я сажусь рядом, касаясь его плечом.

— Что читаешь?

— Словарь Блэка, — отвечает он, откладывая книгу в сторону и обращая на меня всё своё внимание. При виде моего сморщенного носа он добавляет: — Что-то занудное.

В его рюкзаке всегда лежит какая-нибудь умная книжка, которую он читает в любую выкроенную свободную минуту. Иногда Кайл зовёт меня в кафе есть мороженое, но вместо того, чтобы болтать со мной, зарывается в свой учебник, забыв и о мороженом, и обо мне. Но мне так нравится наблюдать как он сосредоточен и увлечён, что я всегда прощаю ему эту страсть. Потому что он всегда разрешает мне снимать его когда я этого только захочу.

Весь мой маленький цифровой «Кэнон», подаренный родителями совсем недавно, забит фотографиями Кайла Торренса. Как он читает, как он смотрит, как он пишет, как он чинит в очередной раз сломанный велосипед, потому что задумался в пути и снова во что-то врезался.

Он такая очаровательная заучка.

— Ты уже мыслями в колледже.

Я не спрашиваю. Последние несколько лет он спал и видел, как поступит в Гарвард, и хотя это разлучит нас на много лет, я очень счастлива за него.

— Одна извилина здесь, другая там, — он так очаровательно пытается шутить, и хотя это сравнение абсолютно не смешно, я хихикаю, потому что его довольный вид от собственного остроумия забавляет меня больше всего на свете.

Очки в толстой оправе сползают с носа Кайла, и он поправляет их, возвращая на место одним резким движением.

— Ты же понимаешь, что должен отбросить этот образ очкарика и начать крутить с девчонками. Девственники не становятся успешными юристами.

Воспользовавшись случаем, я пропускаю пальцы в его короткие волосы и ворошу их в разные стороны, придавая ему немного расслабленный вид.

Это очень хорошее прикрытие для того, чтобы в очередной раз потрогать его шелковистые волосы. Я делаю вид, что у меня не получается с первого раза, а он — что не замечает этого. Вернее, я надеюсь, что он действительно просто делает вид.

— Внесу в свой список планов на первый семестр, буду посвящать этому по 15 минут между занятиями и ланчем.

Бубнит он, отведя от меня глаза, и снова берётся за книгу. Я знаю его слишком хорошо, квота безраздельного внимания кончилась. Позволив ему уткнуться в книгу, сама вытягиваюсь рядом с ним на траве и кладу голову ему на колени. Это спокойствие рядом с ним — ещё одна вещь, которой мне будет не хватать.

— Просто не забывай звонить мне из своего пафосного колледжа, и я проинструктирую тебя, как нужно веселиться.

Смеюсь я, думая, что он меня уже не слышит. Тёплые пальцы зарываются в мои распущенные волосы, и он откладывает мою копну поперёк своих бёдер, открывая себе до-

ступ к моей спине. Его твёрдые пальцы слегка надавливают на кости позвоночника круговыми движениями, легко и размеренно, и я наслаждаюсь этим, пока он не открывает рот.

— Может, ты всё-таки подумаешь над Гарвардом? И тогда нам бы не пришлось обсуждать моё веселье по телефону.

Кончики пальцев Кайла проходят вдоль позвоночника, очерчивая его изгибы, и кожа покрывается мурашками.

— Не глупи, об этом нужно было начинать думать много лет назад.

— Всё ещё можно добиться частичной стипендии, — настаивает он, похоже, в этот раз книга не такая увлекательная, как мне хотелось бы. — У тебя хороший средний балл, ты хороший репортёр, тебя даже брали в местную газету, это неплохое резюме.

В Гарварде университет искусства такой же впечатляющий, как и юридическая школа. Я тоже о нём мечтала. Но реальность оказывается более жестокой, чем я могла представить. Возможно, фотографии в местную газету будут верхом моей недолгой славы.

— Кайл, у меня нет денег даже для частичной стипендии, — отрезаю я, надеясь прекратить его поток вариантов, который с каждым словом становится всё больше.

Он каждый раз предлагает мне что-то, и каждый раз я чувствую собственную никчёмность, потому что никак не могу повлиять на своё грёбаное положение. Я сжимаю его бедро в надежде, что он поймёт намёк, но Кайл слишком прямоли-

неен, чтобы просто замолчать.

Его рука замирает и ложится мне набок, слегка стискивая, так что я ощущаю в этом жесте всё охватившее его напряжение.

— О чём ты говоришь?

— Мои родители сделали шикарный ремонт и купили дом на колёсах, — пытаюсь объяснить я.

— Я знаю, но при чём... — он запинается, он не глуп и понимает, что это значит. — Это был твой грант, да?

Да. Все деньги, отложенные на учёбу, кончились в мгновение ока. Мама с папой обещали накопить ещё к концу моей учёбы, но они так увлеклись автопутешествиями, что забывают работать. Я это прекрасно знаю, и Кайл тоже. Он, наверно, единственный из всех в курсе, что за фрукты мои родители.

Его грудь быстро вздымается и опускается. Я кладу ладонь на середину и чувствую, как сердце трепещет внутри.

— Всё будет хорошо, — говорю я тихо, но Кайл не слушает и не читает, а только смотрит куда-то вверх. — Почитаешь мне?

— Конечно.

Он отвечает быстро, склонившись и поцеловав мой лоб.

Его мягкий голос льётся вокруг меня, заумные слова и сложные термины так и сыплются, и чувство, что каждое из них он понимает, оседает внутри приятным теплом. Он такой умный и серьёзный, когда говорит про свою юриспру-

денцию. По волнам его голоса я уплываю в сон. Пока не просыпаюсь в абсолютной тишине.

— Сколько я спала? — я потираю глаза ладонями, пытаюсь прояснить зрение, солнце уже становится оранжевым, клонясь к закату. И когда моё зрение проясняется, моё дыхание перехватывает.

Кайл сидит без очков, солнце уже падает ему на волосы, делая их ещё светлее, а глаза — сверкающими, как морская вода. Веснушки на носу и щеках под конец лета стали такими яркими.

— Не знаю, я не считал.

Моё тело затекло от сна в одном положении, поэтому я вытягиваю руки и выгибаюсь дугой, отчего глаза Кайла тут же расширяются. Когда его губы слегка приоткрываются, я позволяю себе ещё на одну секунду задержаться в этом положении, прежде чем сесть.

— Твои родители дома?

— Уже да, мама несколько раз выглядывала в окно с прищуром, думая, что я не вижу. — смеётся Кайл, но, услышав мой разочарованный вздох, быстро добавляет: — Я тебя провожу.

Миновав его дом под взглядом полиции нравов, мы движемся в конец улицы, где стоит мой шикарный дом. Всю дорогу мы молча бредём вперёд не переговариваясь. Я думаю, что это, вероятно, последний день, который мы можем провести вот так, только вдвоём, а Кайл, не знаю, о чём он ду-

мает, но глаз он с меня не сводит.

— Вот мы и пришли.

Кайл тяжело вздыхает, и я уже поворачиваюсь, чтобы двинуться дальше, когда он внезапно хватает меня за запястье и дёргает на себя.

— Увидимся завтра?

Он говорит тихо, не смотря мне в лицо. И всё ещё сжимает мою руку, так, будто боится, что я убегу.

— Устроим прощальную вечеринку? Конечно, да. Ты сам позовёшь Джоша или мне позвать?

— Никого не зови, — он отвечает смущённо, и я вижу, как его загорелое лицо и уши становятся слегка розовыми.

— Хорошо, я забронирую столик в... — продолжаю я, перехватывая его руку так, чтобы переплести пальцы.

— Нет, только ты и я, я сам всё устрою, — Кайл говорит, и моё сердце замирает раньше, чем он заканчивает фразу. — Это свидание.

— Не как друзья? — в моём голосе водоворот эмоций, шок, удивление, непонимание и надежда. Надежда, которая пугает меня саму. Сердце в груди бьётся так, будто я сдаю экзамены по бегу.

— Нет, — уверенно говорит он и поднимает на меня глаза. Я бросаюсь в его объятия с такой силой, что чуть не опрокидываю его на землю. — Это, да?

Я лишь киваю головой. Мой язык пересох от волнения и отказывается шевелиться. Всё, что я могу, — смотреть на

его лицо и улыбаться как идиотка. Руки Кайла неуверенно обнимают меня за талию, так, будто я хрупкий цветок, который может переломиться от одного касания. Наши сердца бьются так быстро и так громко, что я не понимаю, где его и где моё, я лишь замираю, наслаждаясь тем, как оно шумит.

— Тогда завтра в восемь?

Я снова киваю, отказываясь его отпускать.

Не знаю, сколько времени мы простояли вот так в обнимку возле моего дома. Он стискивает меня в ответ, будто мы впервые по-настоящему друг друга трогаем и не можем этим насытиться.

Я даже не замечая, что всё это время Сесилия сидит на своей веранде в доме напротив и наблюдает за нами. Эйфория так сильно жжёт меня, что я не могу прямо сейчас рвануть к ней, тело требует оббежать весь район, крича всем вокруг: "Кайл Торренс позвал меня на свидание".

Свидание, на которое я не приду.

Глава 2. Джессика Блэквуд заимела собачьи рефлексy

— Кайл Торренс?

Он моргает, один раз и ещё один, фокусируясь на мне. Не могу верить, что это он. Это какой-то розыгрыш? Покажите мне, где скрытая камера.

Мужчина наклоняет голову, будь я проклята, хоть он и набрал килограмм 20, я всё равно вижу в этом здоровяке того щуплого заучку, у которого очки вечно сползали на нос. Заучку с растрёпанными волосами и книжками в половину собственного веса.

Я до сих пор помню тепло его руки в своей.

Резко накатывающее чувство тошноты угрожает выплеснуться прямо ему под ноги. Все ощущения, что я похоронила в себе 15 лет назад, ползут на поверхность, угрожая украсить пол. Пока он молчит, я прокручиваю в голове все моменты прошлого, как калейдоскоп, кажется признать его — очень плохая идея.

— Я обозналась, — шепчу я, спрыгивая с барного стула, но тут моё запястье обхватывают горячие твёрдые пальцы. Теперь такие мозолистые.

— Не обозналась, Рейес, — говорит он тихо, шаря по мне глазами.

Чтоб меня. Уткнувшись обратно в свой бокал и дай сбежать, как приличной пойманной врасплох женщине!

Татуированное предплечье напрягается и покрывается венами. Кайл резко отпускает меня и разрывает контакт. Прочистив горло, он отворачивается к бару, опустошая свой бокал разом. Что ж, рада, что эта встреча становится комом в горле не только мне.

— Хорошего вечера.

Я не успеваю уйти, когда со спины раздаётся его твёрдый голос, громкий и такой же приятный, заставляющий мои кости дрожать.

— Даже не расскажешь, как дела?

В его тоне сквозит удивление вперемешку с насмешкой, я прирастаю ногами к полу и резко разворачиваюсь. Кайл старается казаться невозмутимым, слегка развернувшись ко мне и буравя меня глазами. Из расстёгнутой рубашки возле ключиц красуется продолжение его татуировок.

— Думаю, тебе не интересно.

Я пожимаю одним плечом и остаюсь стоять на месте. Бармен материализуется возле нас, обновляя бокал Кайла и мешая что-то ещё по его заказу.

— Думать за других у тебя никогда особо не получалось.

Кайл кивает на стул рядом с ним, и я с ватными ногами забираюсь на высокое сиденье. Шёлк щекочет кожу, а я неотрывно смотрю вперёд, стараясь не пялиться на Кайла. Все эти татуировки, проступающие даже через тонкий материал

рубашки, выглядят слишком горячо и слишком по-бунтарски. Хотелось бы мне знать, как визжала миссис Торренс, когда впервые увидела их.

— Я всегда была хуже тебя в учёбе, все эти книжки меня никогда не прельщали. А ты, наконец, воспользовался моим советом и стал есть их, чтобы они лучше усваивались?

Я слышу, как он ухмыляется и выпрямляется рядом со мной. Бармен протягивает мне коктейль с листьями мяты и лаймом, и я замираю, прежде чем прильнуть к трубочке. Господи. Истинная зубрила. Он до сих пор помнит напитки, которые я любила.

— Просто перестал тратить время на женщин, которых я не интересую. Восхитительно сработало, правда?

Сердце делает пару лишних ударов от его слов. В горле резко становится суше. Кайл говорит так насмешливо и уверенно, но я чувствую это обо мне. Вот что он тогда решил.

Пятнадцать лет мы не виделись, а на языке всё так же горько.

— Ты всегда инте... — пытаюсь запротестовать я, но он перебивает меня.

— Так как дела, Рейес? Какими судьбами в Сан-Франциско?

К ушам и щекам приливает кровь, и спасибо маме, что это не так заметно на моей оливковой коже. Спустя столько времени он, наконец, решил спросить, как у меня дела, ты опоздал на пятнадцать лет, красавчик, мои дела тебя больше

не касаются.

— Навещаю родителей.

— Когда они вернулись?

Его осведомлённость злит и одновременно тешит моё самлюбие, значит, он не совсем игнорировал моё существование.

— Как у тебя дела?

— Моё имя на двери фирмы.

Он говорит это как нечто само собой разумеющееся, но я давлюсь своим коктейлем от неожиданности.

— Так быстро, — моё лицо расплывается в улыбке. Мне хочется посмотреть на него, на его гордое лицо, человека, что добился всего, о чём мечтал очень быстро, но глаза не слушаются.

— Угу.

— Это не вопрос, — говорю я, и моя ладонь дёргается в его сторону.

Тело ещё помнит его и безумную потребность всегда держать его за руку, пока он рядом. Эта стена, что между нами стоит, как что-то неестественное и безобразно неправильное. Не было дней, когда мы сидели рядом и касались друг друга.

Джессика Блэквуд заимела собачьи рефлексy, как чудненько, вот бы ещё меня кормили и поили за то, что я даю руку по команде.

— Я думал, ты никогда не слушала о моих планах.

— Я старалась этого не делать, объективно смотреть мне нравилось больше. Но ты был таким назойливым, когда постоянно повторял мне свой план.

Не удержавшись, я бросаю на него быстрый взгляд, но не вижу улыбки. Он слегка ухмыляется одним уголком губ, но его лицо слишком серьёзное. От такого и молоко скиснет. Глаза снова начинают изучать его против моей воли, и я быстро отворачиваюсь.

— Да, Рейес, что-то в тебе действительно не изменилось. Я думал, Лондон от тебя вообще ничего не оставит и ты станешь прилежной чопорной англичанкой.

Он начинает шевелиться с краю. Краем зрения успеваю заметить, как он двигается в мою сторону, наши ладони соприкасаются, а уши щекочет его горячее дыхание.

— Но почему ты так упорно не смотришь сейчас?

Почему так резко выключили кондиционер? Лёгкое ощущение щетины, знакомый травянистый запах с ароматом его тела и жар бьют по всем моим рецепторам. Он отклоняется, непрерывно смотря на меня, и ждёт ответа, всё ещё позволяя себе лишь лёгкую усмешку. Вокруг глаз теперь собираются морщинки, но я всё ещё вижу за всем этим моего давнего друга.

Как неудобно.

— Ты постарел, — говорю я наконец, отмечая, что он превратился в копию отца. Кайл кивает своим мыслям, проверяя время на очень дорогих часах. — Ты кого-то ждёшь?

— Кое-кто не пришёл, ничего страшного, но мне уже пора, было любопытно на тебя посмотреть, — Кайл опустошает бокал и встаёт, сидя на стуле, я едва ли касаюсь макушкой его плеча. Заметив, как я на него пялюсь, он выпрямляется ещё больше и обращается к бармену: — Запишите всё на мой счёт, и то, что она выпьет позже тоже.

— Мне это не нужно! — говорю я так резко, что брови Кайла чуть-чуть взлетают вверх.

А у меня чувство, что сейчас, позволив ему заплатить за свой бокал, он выставит мне условия, от которых я не смогу отделаться. Чувство, что парень, оплативший выпивку, заставит тебя сесть к нему в такси, не покидает меня. Прошлый Кайл легко принял бы отказ, но эта версия собирается дать мне отпор.

— Но ты пришла одна. К тебе кто-то ещё придёт? — Он выглядит как собственник, когда кладёт обе руки по сторонам от меня, окружая своим телом, и я уже готова помериться с ним характером.

— Нет, никто не придёт, и мне это не нужно.

— Рейес, я не могу позволить женщине платить за себя в моей компании, можешь ни в чём себе не отказывать, — он придвигается чуть ближе, чтобы выстрелить в меня в упор, — считай, что это запоздалое свидание, на которое ты наконец-то пришла.

И он пошёл так стремительно, будто чувствовал, что я готова открыть по нему огонь. Тысяча горьких обвинений вер-

тится на языке, но я уже давно пообещала себе никогда не поднимать с ним эту тему. Закрыла её так же, как он закрылся от меня. Это не мой человек, просто старая любовь, которая изжила себя быстрее, чем началась, это не исправить. Никакие слова не вернут меня назад, так зачем открывать старые раны, чтобы ещё раз в них покопаться.

Я давно слезла с дохлой лошади, так почему моё сердце бьётся так, будто я снова хочу прыгнуть в это седло?

Мой путь давно идёт без Кайла, и всё, что на нём было, его не касается. Он не хочет знать и никогда не хотел. Его страсть — только его глупые книжки и чувство собственного превосходства. А я просто симпатичная подружка.

Я не заметила, как допила всё до дна за считанные секунды. Бармен принёс мне полную порцию, но на языке так горько, что я лишь могу пялиться на неё, оставляя нетронутой. Пока на моём боку не появляется горячая рука, сжимая её по-особенному, не оглянувшись, я поняла, что он вернулся.

— Может, раз ты пришла, всё-таки прогуляемся?

Глава 2.2

Его голос с лёгким вызовом проходится дрожью по затылку.

В ответ я не могу найти ни слова, но вот мои ноги уже спускаются на пол, и рука упирается в его твёрдую ладонь, когда он аккуратно помогает мне слезть. Так странно ощущать его рядом, такого услужливого. Кайл тут же подставляет мне сгиб локтя, предлагая взяться за него, как за английского джентльмена. Но я не тороплюсь идти на поводу и, положив руку на локоть, веду ладонью вниз, ощущая пальцами его горячую кожу, пока не добираюсь до сжатой руки. Кисть быстро расслабляется, позволяя мне переплести наши пальцы в знакомом жесте.

— Ты забыл, как нужно делать, — говорю я, и мы медленно отправляемся к дверям лифта.

— Не забыл, просто, хм, не хотел напирать, — говорит он и подносит ко рту наши сцепленные руки, слегка прикусывая костяшку большого пальца.

От этого движения моё тело по знакомому пульсирует, словно я всё ещё разгорячённый подросток. Он всегда так делал, когда брал меня за руку, чтобы я не пыталась его ущипнуть и подёргать, пока он не обращал на меня должного внимания. И сейчас я чувствую, что весь Кайл принадле-

жит только мне.

Мы спускаемся на лифте под тихую музыку, и ни один из нас не решается заговорить. Когда двери распахиваются, я прохожу вперёд и в отражении замечаю, как его глаза беззастенчиво ползут вниз по моему телу. Пока он увлечён, я переминаюсь с ноги на ногу, слегка покачивая бёдрами, и мои уши ласкает тяжёлый вздох за спиной. Несколько шагов вперёд я делаю уверенно, убедившись, что Кайл не торопится со мной поравняться. Резко развернувшись, я упираю ему в грудь руку, задерживая его на месте и только непосредственно столкнувшись со мной, нахал поднимает лицо.

— Ты пялился на мой зад?

— Что ты сделаешь, если я отвечу — да? — он медленно прикусывает нижнюю губу, переводя взгляд на мои губы и опускаясь к груди. Спасибо, он не может увидеть, какую реакцию моего тела поднимает один его взгляд. Не найдясь с ответом, я комкаю рубашку у него на груди, на что он лишь подходит ближе. Его пальцы аккуратно касаются края выреза на спине и обнажённой кожи. Этого достаточно, чтобы я неосознанно сделала шаг к нему.

— Честно говоря, я пялился на твои туфли, в таких далеко не уйдёшь, а я слишком много выпил, чтобы садиться за руль. Так что можешь дышать.

Как по команде моё тело делает судорожный вздох, прежде чем он начнёт гордиться собой ещё больше, я с силой отталкиваю его прочь, шагая к дверям.

— Можешь не беспокоиться обо мне, я смогу пройти больше, чем ты думаешь.

— Да, да, ты всегда такая стойкая и самостоятельная, давай я сам решу беспокоиться о тебе или нет, я не хочу думать о том, сколько ещё ты пройдёшь в них. Идём.

Он равняется со мной, нежно беря за руку, стоит выйти на узкий тротуар, достаёт мобильный и открывает Убер. С прищуром я пытаюсь разглядеть, что стоит на заставке его телефона, но там только какая-то дорогая тачка, когда моё внимание привлекает знакомый звон.

— Я хочу прокатиться на трамвайчике!

— Джесс, это развлечение для туристов, ты в туфлях. Ты просто не удержишься, — его нравоучительный тон выбешивает. Не слушая, я тяну его в сторону остановки Пауэлл-стрит.

— Во-первых, я сто лет на нём не каталась. Во-вторых, это весело. В-третьих, ты понятия не имеешь, что я могу, а что нет. Но если ты сам боишься свалиться с подножки, просто скажи. Кто я такая, чтобы ронять твоё эго.

Кайл резко останавливается, и всех моих сил и даже веса тела недостаточно, чтобы сдвинуть его хотя бы на сантиметр.

— Чёрт возьми, Рейес. Ты просто невыносима! Хорошо, но сначала кое-куда зайдём, — он уверенно тянет меня в другую сторону, и я словно пушинка вынуждена следовать за ним, будто моё сопротивление ничего не значит, — идём, я сказал.

От его властного тона в животе появились мурашки. За минуту мы оказываемся у магазинчика с одеждой, куда он уверенно затаскивает меня. Пока до меня доходит, что конкретно он собирается делать, Кайл уверенно сажает меня на скамейку, и передо мной возникает коробка с обувью. Кайл достаёт чёрные простые кеды на тонкой подошве и усаживается у моих ног как ни в чём не бывало. Видя его макушку, я тут же слегка ворошу волосы, ища проплешину, на что получаю сердитый взгляд. Стащив с меня туфли, он надевает на меня новую пару, даже не прося разрешения.

— Кайл, неужели твои книжки научили тебя командовать?

— Я много чему научился, Рейес. Поверь мне, взгляд — самое безобидное, отчего у тебя может перехватить дыхание.

В подтверждение своих слов он нежно ведёт пальцами по икре, останавливаясь явно выше линии подола моего и так слишком голого платья.

— В таком случае, надеюсь, в твоём дорогом колледже были курсы первой помощи. — Вместо того чтобы остановить его, я кладу ногу на ногу, позволяя юбке задраться ещё больше прямо перед его лицом.

— Да, я много тренировался делать дыхание рот в рот, хочешь покажу?

— Только губы не перепутай, а то будет неловко.

Дайте мне 10 очков за то, что я заставила Кайла Торренса потерять дар речи.

Сначала он замирает, смотря на меня ошарашенными глазами, а потом заходится искренним смехом. Находясь у моих ног, он едва удерживается, чтобы не повалиться на пол. Пока его лицо озаряет широкая мальчишеская улыбка. Он так заразителен, что я, не удержавшись, начинаю смеяться вместе с ним, пока продавщица смотрит на нас насупив брови.

— Нам что, по 16? Кайл Торренс, нам нужно помыть рот с мылом, — я пытаюсь пародировать тон его матери, и он смеётся больше прежнего, наконец завязав мне шнуры.

— Моя мама это бы одобрила. Нужно было тебе почаще демонстрировать эту сторону, и тогда она бы души в тебе не чаяла, — он говорит в прошедшем времени, смеясь, а я резко прекращаю. Понимание начинает захлёстывать меня раньше, чем он продолжает, — ты не знала?

Я отрицательно мотаю головой и не понимаю, что пытаюсь опровергнуть. Его слова, её смерть или факт того, что я даже не знала о её потере. На дне его синих глаз что-то трескается, улыбка меркнет, и передо мной появляется вышколенный юрист, не имеющий ни одного изъяна. И только руки, сжимающие мои лодыжки, выдают его с головой.

Мисис Торренс была той ещё стервой, но она любила своего сына сильнее всех на свете, и при мысли, что он пережил меня, бросает в холодный пот. Он остался один, а я даже не сказала ему, как мне жаль.

— Три года назад её унёс рак, — продолжает он, и мой заслон даёт трещину, мы встаём резко, и я, не раздумывая,

притягиваю его к себе. Так крепко, будто он может развалиться прямо сейчас. — Эй, эй, люди смотрят, Рейес, всё в порядке.

Но мне всё равно. Кайл пытается быть собранным, но я чувствую, как он вибрирует под моими ладонями. Мой мальчик был один, когда его мир рушился, а я оказалась слишком гордой, чтобы остаться в его жизни достаточно и протянуть руку в нужный момент.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Да, пробейте эту пару, пожалуйста, мы уйдём в них. — Он остаётся невозмутимым, пока мои тихие всхлипы тонут в его рубашке. — Ч-ш-ш, я знаю. Я и без этого помню, как ты умеешь плакать, Рейес, только не лей слёзы.

Он отталкивает меня от себя, проверяя моё лицо, чуть влажное.

— Теперь все будут думать, что я мудака, заставляющий женщин плакать.

— Прости, что нарушила твою маскировку хорошего мальчика. Я повторяю.

Кайл тяжело вздыхает, и я чуть оступаюсь, понимая, что я сказала что-то, подразумевающее будущее. Как будто прошедшие годы не разделили нас окончательно.

— Идём, Рейес, не думай о прошлом, ты помнишь, у нас свидание.

Без слов поддержав его, я двигаюсь вперёд, оставив свои туфли прямо в магазине.

— Конечно. Идём скорее, пока не ушёл последний трамвай!

Под бесконечный бубнёж о том, как было бы комфортно поехать на такси, и что это развлечение для детей и туристов, я с замиранием сердца стою на остановке, дожидаясь любого трамвая. Так хотелось почувствовать ветерок в лицо, знакомую тряску, оседающую в животе, и посмотреть на живописность родного города. Я так долго здесь не была, что почти забыла, как он выглядит, и теперь, когда я гуляю по улицам, не могу думать ни о чём другом, кроме воспоминаний о детстве. Тем более, когда рядом есть он. Будто ничего и не было за последние 15 лет.

Вдалеке уже раздаётся знакомый стук колёс, и я с нетерпением жду, пока трамвай остановится. Раритетный вагончик останавливается, готовый подобрать своих пассажиров, и я, по привычке, запрыгиваю в конец. Сиденья с нашей стороны удачно пусты, и я готовлюсь повисеть на поручнях, позволяя себе рассекать вечерний Сан-Франциско, когда меня сзади подпирает настырное туловище.

— Встань выше и повернись ко мне лицом. — Он начинает давить на меня телом, прогоняя с нижней подножки.

— Здесь достаточно места, просто встань рядом!

— Я сказал, встань выше, ещё не хватало, чтобы ты выпала. — Не обращая внимания на мои протесты, Кайл толкает меня ещё настойчивее, оказавшись зажатой на нижней ступени, я поднимаюсь, вставая прямо в кабине, просто не

имея другого выхода.

— С каких пор тебя это волнует?

— С тех пор как у меня появились мозги.

Раздражённая, я пытаюсь просто отойти в сторону и встать рядом с ним, но он очень быстро понимает, что я намерена сделать, и обхватывает мою талию, прижимая к себе и не давая уйти в сторону. Теперь наши тела соприкасаются, очень плотно, из-за разницы уровней я смотрю прямо ему в глаза, полностью лишившись ощущения разницы в росте, но он всё равно раздражающе умудряется смотреть на меня сверху вниз.

— Ты стал очень высокомерным.

— Это побочное действие профессии.

К этому моменту трамвай уже забрался на пригорок и, преодолев вершину, начал стремительный спуск. Тряска усилилась, и теперь я сама плотнее цепляюсь за поручень одной рукой и второй за Кайла, стараясь сохранить равновесие.

— А я и забыла, какого это, — выдыхаю я практически нос к носу.

— Я держу тебя.

Пока мы едем, прижимаясь друг к другу всё плотнее от каждого виража, руки Кайла, расслабленные и горячие, скользят по материалу моего платья. Тонкий шёлк практически не выглядит преградой, и каждое движение, словно по голой коже, заставляет меня дышать чуть чаще. Когда его рука опускается ещё ниже на бёдра, трогая нежную кожу под

ягодицами, я еле сдерживаюсь, чтобы не свалиться на него. Я уже не испытываю удовольствия от пейзажа и не погружаюсь в старые воспоминания, я только в этом моменте и в этом ощущении, кружащем голову.

— Перестань.

Вместо того чтобы брать руку, Кайл чуть плотнее сжимает меня, заставляя кожу пылать.

— Прости, я не расслышал, что ты сказала?

Звук колёс заскрежетал, как назло, сильнее, и я наклонилась ниже, почти касаясь его уха.

— Я сказала, перестань.

Кайл поворачивается в мою сторону, задевая меня щетиной, и я как замороженная остаюсь на месте, позволяя касаться моей кожи так долго, что для ответа его губы оказываются прямо возле моих. Он слегка двигает кончиком носа, касаясь моего, и я не слышу, что он мне отвечает, звук сердца в ушах заглушает всё вокруг, и я только чувствую мимолётное касание и вкус выпивки на языке.

Не знаю, кто делает первый шаг, я только чувствую, как наши губы соединяются, без шанса оторваться друг от друга. Ладонь на моих бёдрах сжимает плоть, и мне становится мало. Я запускаю руки в его волосы, оставаясь полностью на силу его объятий, удерживающих меня на краю. Позволяя ему углубить поцелуй.

Время течёт мимо нас, не давая опомниться, пока я чувствую его и дышу им.

Кто-то рядом громко кашляет, и Кайл неохотно отстраняется от меня. Его губы припухли, причёска испорчена, он смотрит на меня с непроницаемым выражением. Подняв руки к губам в защитном жесте, я отворачиваюсь, пытаюсь скрыть подступающие эмоции.

— Даже сейчас недостаточно хорош для тебя? — со спины раздаётся злой голос.

— О чём ты г...

— Не утруждай себя объяснениями.

Когда я возвращаю взгляд, Кайла уже нет, он спрыгнул с трамвая, и всё, что мне удаётся увидеть, — это его удаляющуюся спину, пересекающую дорогу, пока трамвай уносит меня прочь.